

900 дней блокады закончились 27 января 1944 года. Люди выбегали из квартир и смотрели на салют. Они понимали, что в этот миг они победили не только голод, холод и фашистов. Они победили самих себя. Они сохранили свою честь и достоинство и скоро смогут досыта наестся.

Полгода назад сгорели Бадаевские склады, и люди в городе продавали друг другу землю, пропитанную остатками уничтоженных продуктов. Они получали по 125 граммов хлеба в день, варили «кисель» из олифы и столярного клея, меняли золото и последнее имущество на масло и хлеб.

Жизнь в первую блокадную зиму была так тяжела, что родители решали, кому из детей выжить. Пайку обреченных на смерть делили между членами семьи.

В ту зиму дети и подростки вырывали хлеб из рук стариков и быстро съедали его, не обращая внимания на побои. Голод и холод быстро превращали людей в скелеты.

В мае 1942 года по Ленинграду еле передвигались замерзшие люди, одетые в пальто. Они сразу видели приезжих. По здоровому цвету лица, полноте, способности смеяться. В первую блокадную зиму почти все ленинградцы подозревали откормленных мужчин и женщин в воровстве — на скудный паек нельзя было так хорошо выглядеть.

Они имели на это право. Людей слишком часто обманывали — продавали вместо масла олифу, вместо манки — основу для клея, вместо конфет — мастику.

За буханку плохого хлеба в декабре 1941 или январе 1942 года хоронили родственников, то есть попросту отвозили на кладбища и клали в братские могилы штабелями. Голыми, без гробов — древесина была роскошью, и люди сами просили близких не менять еду на гробы. Все равно их продадут второй раз, а еда поможет родственникам выжить.

В ту зиму перестали помогать свалившимся от истощения — молодая мать, ковыляющая на работу, извинялась, что не может подать руки: «Могу упасть рядом и не встану, а дома меня ждут дети».

Женщина, пережившая блокаду, рассказывает, как увидела на улице одну горошину, которую вскоре унес ветер.

Пайку крошили на множество частичек, раскладывали их по коробкам и 125 грамм хлеба, поделенные на 50 кусочков, ненадолго обманывали мозг и желудок — некоторым удавалось растянуть эту скудную пищу на целый день.

В первую блокадную зиму некоторые ленинградцы не сразу хоронили своих родственников — карточки выдавались на десять дней, и люди могли недолго получать хлеб за покойника.

Весной по Неве поплыли вереницы трупов красноармейцев. Но воду из Невы продолжали брать, отталкивая эти трупы.

Встреча. 'Мама, не прогоняй его! Это же наш Бог Иисус Христос!'...

В страшном каунасском гетто уничтожили много евреев. И один молодой 30-летний еврей, голый, стоя на краю рва, упал вниз с первыми звуками очереди. Его завалило телами. Он в ужасе стал выбираться. Пытаясь вылезти, зацепился руками за бруствер. Полицай, засмеявшись, проткнул ему руки штыком. И он свалился обратно. До ночи он лежал во рву. И ров под ним дышал, стонал и шевелился.

Ночью он выполз, встал на ноги и побрел в сторону далеких огней. Набрел на хутор. Как-то перелез через забор и увидел у крыльца на веревке какую-то простыню. Он накинул ее на себя, поднялся и осторожно, пробитыми руками, стал скрестись в дверь. Дверь отворила молодая женщина. Он перешагнул через порог, навалился спиной на косяк и прошептал: «Спасите меня...» Она поджала губы и говорит: «Уходи отсюда! Если тебя здесь найдут — бьют и меня, и моих детей! Уходи туда, откуда пришел!» Он посмотрел на нее и говорит: «Не прогоняй меня!» И вот он стоит перед ней, изможденный, с пробитыми руками, в белом, и спутанные волосы все в крови прилипли ко лбу. Он молчит. И она молчит. И она покачала головой: «Уходи!» И вдруг из-за занавески выбежала маленькая светлая девочка, подбежала к ней, обняла ее за ногу, подняла голову и сказала: «Мама, не прогоняй его! Это же наш Бог Иисус Христос!»...

Они прятали его и ухаживали за ним. Потом он ушел к партизанам. Воевал. Участвовал в самых дерзких операциях. Всех удивляло, что у него напрочь отсутствовало чувство страха. Погиб он уже в самом конце войны.

Я разговаривал с этой девочкой в 1988 году, в Каунасе. Ей было пятьдесят. Она была моложе, чем я сейчас. И я слушал ее, и меня знобило. И я ей говорю: «Ну да, конечно, изможденный человек, лоб в крови, руки пробиты, запахнутый в белое... Вы же тогда маленькая были, просто такое впечатление...» А она подняла на меня глаза, посмотрела спокойно и внимательно, покачала головой и говорит: «Вы не поняли. Это действительно был Иисус Христос».

